

нихъ напитоковъ. Вѣрю и знаю, что многіе изъ нихъ по истеченіи года возобновятъ свой обѣтъ, что многіе изъ нихъ современемъ станутъ моими драгоценными сотрудниками *).

Всего настоятельнѣе обращаюсь къ воспитанникамъ учебныхъ заведеній духовныхъ. Увы! хотя письменная рѣчь дается мнѣ легче устной, чувствую мое безсиліе выразить имъ печатно все то, что наболѣло у меня на душѣ по ихъ поводу **). Но долготѣлнй опытъ сельской церковной жизни, но любовь къ церкви, не идейная, не отвлеченная, но реальная и кровная, распространяющаяся на каждого ея служителя, настоящаго и будущаго, дасть мнѣ право, даже печатно, сказать имъ нѣсколько искреннихъ словъ.

Пожалѣйте себя, пожалѣйте свою будущую паству. Историческая минута, переживаемая нами—минута великая и страшная. При вашей жизни, на вашихъ глазахъ завершится приобщеніе, путемъ быстро распространяющейся грамотности, многочисленнѣйшаго изъ христіанскихъ народовъ міра къ первымъ ступенямъ жизни сознательной. И этотъ періодъ—вамъ не чужой, вы плоть отъ плоти, вы кость отъ кости его, вы призваны быть солью безмѣрной земли, имъ постоянно расширяемой. Чтобы стать этою солью, не откладываете созиданія въ себѣ внутренняго человѣка. Въ числѣ добродѣтелей, требуемыхъ отъ пастыря, трезвость занимаетъ скромное, второстепенное мѣсто. Это—даже не добродѣтель, но лишь отсутствіе порока. Не вѣдь безъ нея всѣ прочія добродѣтели ни зародиться, ни развиться, ни укрѣпиться

*) Предлагаю всякому, кто пожелаетъ дать такой внутренней обѣтъ, отслужить молебенъ преподобному Сергію и сообщить мнѣ свое имя, для записи въ книгу трезвости Татевской церкви и молитвеннаго поминования. Адресъ: Сергіѣй Александровичъ Рачинскій, гор. Рязевъ.

***) Прошу всякаго, кого заинтересуютъ эти строки, вступить со мною въ переписку.

ся не могутъ. Начнемъ же, въ глубокомъ смиреніи, съ легкаго, съ близкаго, съ малаго—и Богъ дасть намъ силы на большее, на лучшее...

С. Рачинскій.

ОБЫЧНЫЯ ОТГОВОРКИ НАШЕГО НАРОДА ОТЪ ТРЕЗВОСТИ *).

Давно уже замѣчено, что человѣческой природѣ свойственно подыскивать и выдумывать оправданія своимъ недостаткамъ и слабостямъ. Неудивительно поэтому, что народъ нашъ, издавна привыкшій къ водеѣ, которая была необходимою принадлежностью всѣхъ его общественныхъ, семейныхъ и церковныхъ радостей и торжествъ, съ величайшимъ трудомъ разстается съ нею; и чѣмъ народъ невѣжественнѣе, грубѣе и темнѣе, тѣмъ тяжелѣе его разлука съ этимъ врагомъ. Всѣмъ извѣстно, что въ городахъ, гдѣ много шинковъ и жидовъ, труднѣе завести трезвость, чѣмъ по селамъ, и въ одномъ и томъ же селѣ легче склонить къ трезвости земледѣльца, чѣмъ ремесленника—кузнеца, ткача, мясника. Легче завести трезвость въ томъ селѣ, гдѣ нѣтъ винокурни, чѣмъ въ томъ, гдѣ она есть,—легче тамъ, гдѣ много земли, сѣнокоса, скота и молочныхъ произведеній, чѣмъ тамъ, гдѣ приходится круглый годъ пробавляться ржанымъ хлѣбомъ, да сѣрыми шами. И мы видимъ, что въ селлахъ зажиточныхъ трезвость прививается скоро, между тѣмъ какъ въ бѣдныхъ трудно даже положить ей начало.

Но и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ одни охотно заводятъ у себя общества трезвости, находятся такіе, которые, хотя и признаютъ очевидную пользу этихъ обществъ, однако не вступаютъ въ нихъ изъ опасенія нанести вредъ своему здоровью и имуществу полнымъ воздержаніемъ отъ водки и пьянства.

— Почему не вступаете въ общество трезвости? спрашиваетъ батюшка.

*) Изъ приготовляемаго къ печати церковно-народнаго календаря.

— Не могу я: здоровье у меня слабо. Не выпью водки, такъ и хлѣба не могу съѣсть, а выпью — и съѣмъ со вкусомъ и хоть легкой работой займусь.

— А ты почему не дашь зарока отъ пьянства?

— Я, говоритъ, всей душой рада бы, да не могу: больно ужъ плохо живется мнѣ на бѣломъ свѣтѣ. Мужъ всегда сердить, бранится да ругается со мною; дома — шумъ, гамъ, драка — настоящее пекло! Не выпить водки — съ тоски помереть.

— А вы почему не зарекаетесь?

— Я ремесленникъ, кузнецъ: нельзя мнѣ давать зарока. У насъ такой ужъ обычай: привезъ кто колеса ковать, — чтобъ обручи крѣпко держались, нужно смочить ихъ, т. е. выпить водки. Везетъ кто работу, везетъ съ собой и водку; если бы я съ нимъ не выпилъ, въ другой разъ ко мнѣ не прѣехалъ бы: отдастъ работу другому, либо жиду. И радъ бы не пить, да нужно. — Ткачъ говоритъ: извѣстно вамъ, какъ ведется наше ремесло съ давнихъ поръ: приходять съ пряжей — несутъ съ собой водку и хлѣбъ; берутъ полотно — тоже. Не приму я водки, не выпью съ нимъ, и работы мнѣ никто не дастъ.

Мясникъ отговаривается тѣмъ, что человекъ онъ торговый: постоянно приходится съ новыми людьми дѣло имѣть. — Хожу я по селамъ скотъ покупать. Приду въ хату съ бутылкой, торгъ лучше идетъ, и куплю дешевле. Безъ водки хозяинъ и говорить со мной не сталъ бы: заломить цѣну и гривенникомъ не поступится. А у меня жена, дѣти: мнѣ хочется больше заработать.

— А вы почему не даете зарока?

— Мнѣ не нужно, говоритъ одинъ — по корчмамъ и кабакамъ я не пьянствую, а дома представится рѣдкій случай — отчего же не выпить?

— Давать зарокъ — боюсь грѣха, говоритъ другой. И такой-то и другой зарекались не пить, а потомъ стали пить больше прежняго. Вотъ и я боюсь, какъ бы мнѣ также не навлечь на себя тяжкаго грѣха.

Таковы обычныя оправданія, къ которымъ прибѣгаютъ крестьяне, когда священникъ или другой кто убѣждаетъ вступить въ общество трезвости. Съ перваго разу можетъ показаться, что эти извиненія и на самомъ дѣлѣ основательны; а когда разберешь ихъ поближе, то и выходитъ, что это не больше, какъ одинъ пустыя отговорки: просто не хочется навсегда бросить гнусный порокъ, къ которому успѣли крѣпко привыкнуть.

Мы разберемъ всѣ эти извиненія по порядку.

— Я, говоритъ, дала бы зарокъ, да здоровье у меня плохо. Я страдаю задышкой; и откашлянуть не смогу, если не выпью, а выпью — все же легче станетъ.

Кому ужъ лучше знать, какъ не ученымъ докторамъ, съ чего приключаются и какъ излечиваются болѣзни легкихъ (задышка)? А вотъ они-то и запрещаютъ наибольше такимъ людямъ — употреблять водку. Здоровый человекъ можетъ снести дѣйствіе водки, а для большого она — ядъ, потому что разгорячаетъ и сгущаетъ кровь, а это-то и вредитъ наибольше страдающимъ задышкой. Такимъ больнымъ полезно коровье молоко, свѣжее масло, ячменный или пшениный супъ, а водка еще ни одного чахоточнаго не вылечила, а многихъ и очень даже многихъ преждевременно въ гробъ свела.

Другой говоритъ: „я и куска хлѣба не могъ бы проглотить, еслибы не выпилъ впередъ водки“. Но такъ говорили многие и въ тѣхъ селахъ, гдѣ всѣ отъ мала до велика дали зарокъ не пить водки и навсегда изгнали ее изъ своего села. За ними послѣ давали и тѣ, что не могли безъ водки и хлѣба съѣсть; теперь они не пьютъ, а *живутъ*; спросите ихъ и они вамъ скажутъ, что теперь лучше и съ большимъ вкусомъ ѣдятъ хлѣбъ, чѣмъ прежде, при водкѣ.

Когда одного изъ такихъ спросили, какъ онъ теперь ѣстъ хлѣбъ безъ водки, тотъ сказалъ: „желудокъ человѣческій это — лошадь, а водка — кнутъ. Правда,

лошадь бѣжить, когда ее бьютъ кнутомъ, все же таки она побѣжитъ и дальше, и лучше отъ хорошаго корма, чѣмъ отъ кнута. Прежде я не могъ ѣсть безъ водки, потому что мой желудокъ такъ къ ней привыкъ, какъ лошадь къ кнуту; а теперь, когда вмѣсто водки я могу ѣсть лучшую пищу, я чувствую себя здоровѣе и лучше, какъ тотъ конь, котораго вмѣсто кнута станутъ кормить хорошимъ овсомъ“. Другому, затѣмъ, который боялся дать зарокъ отъ пьянства потому, что безъ водки не могъ принимать пищи, одинъ лекарь посоветовалъ выпивать натошакъ, за часъ до обѣда, большой стаканъ чистой воды. При этомъ онъ и объяснилъ ему значеніе этого средства: „вода сильнѣе водки, говорилъ лекарь, хотя тебѣ и кажется, что водка сильнѣе воды. Выпьешь ты водки — она разогрѣетъ кровь въ тѣхъ жилахъ, что въ желудкѣ, желудокъ придетъ въ сильное возбужденіе и переваритъ все, что въ немъ есть; но послѣ этого въ немъ останется кислота, которая есть въ водкѣ, а кислота-то эта очень вредна для здоровья и производитъ неприятную отрыжку. А когда ты выпьешь чистой, холодной воды, она и вытянетъ изъ желудка все нечистое, всполоснетъ его, освѣжитъ, и онъ съ большей силой будетъ варить всякую пищу, которая потомъ превращается въ лучшіе жизненные соки“. Такъ говорилъ ученый лекарь, хорошо знающій, какъ пища превращается въ жизненные соки, и что для этого нужно.

Несмотря, однако, на это, находятся такіе, которые не слушаютъ добраго и умнаго совѣта, пьянствуютъ попрежнему и говорятъ въ свое оправданіе: „Такой-то и такой пилъ водку и прожилъ 80 лѣтъ въ добромъ здоровьѣ“. Это правда; но кто знаетъ, что еслибы онъ совсѣмъ не пилъ водки, не прожилъ ли бы и сто лѣтъ? Вѣдь человекъ и къ яду можетъ привыкнуть, почему же не привыкнуть ему и къ водкѣ, которая — тоже ядъ, только медленнѣе. Люди доказали, что можно

привыкнуть къ мышьяку (сильный ядъ), увеличивая каждый день порцію его приѣма, однакожь никто не скажетъ, что употребленіе мышьяка полезно для здоровья.

Какой врагъ человекъ водка, въ этомъ лучше всего можно убѣдиться на примѣрѣ американскихъ индѣйцевъ. Эти дикіе люди, пока не знали водки, были здоровы и крѣпки тѣломъ, и многие изъ нихъ доживали до глубокой старости. Когда европейцы захватили индѣйскія земли, дикари часто нападали на европейскія колоніи и опустошали ихъ. Долго пришлось европейцамъ вести ожесточенную войну съ этимъ дикимъ, но сильнымъ народомъ, пока побѣдили ихъ окончательно. И чѣмъ же, думаете вы, была достигнута эта побѣда? Водкой, которою европейцы стали опивать индѣйцевъ и которая оказалась для нихъ гибельнѣе всѣхъ европейскіхъ пушекъ и пуль. Дикари, пристрастившись къ водкѣ, стали мало по малу слабѣть и, наконецъ, совсѣмъ почти исчезли съ лица земли. Отъ многомилліоннаго ихъ народа остались одни жалкіе остатки — недобитки, да и тѣ постепенно вымираютъ, а все благодаря водкѣ!

То же, что съ индѣйцами, бываетъ и въ нашихъ селахъ, гдѣ сильно развито пьянство. Гибнутъ тамъ и душа, и тѣло человекъ, нарождается поколѣніе слабое, хилое, грѣшное, такъ что жалко становится, глядя на него. Пустой это разговоръ: „не могу я не пить: я человекъ рабочій. Мнѣ приходится трудиться и работать, а перестану пить водку, гдѣ я возьму силы?“ Въ старину совсѣмъ не было на свѣтѣ водки, а работа была тяжелѣе, чѣмъ теперь. Въ Египтѣ до нашихъ временъ сохранились каменныя пирамиды, построенныя въ давнія-давнія времена предками настоящихъ нашихъ евреевъ. Пирамиды очень громадны, и на каждой изъ нихъ столько камня, что изъ него смѣло можно построить большой городъ. Когда ихъ строили, не было еще пороха для взрыва скалъ

и каждый камень нужно было отдѣльно высѣкать изъ скалы; это былъ трудъ тяжкій, работа каторжная, просто невыносимая. А чѣмъ же питались тогда рабочіе? Они ѣли мясо и пили молоко. Силы придаетъ не водка, а хорошая пища: хлѣбъ, молоко, яйца и хоть изрѣдка кусокъ мяса. Водка, вторюю, придаетъ столько же силы, какъ кнутъ лошади.

— Точно мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ, твердить какая либо женщина, безъ водки и померла бы съ тоски. Это такая же пустая выдумка, какъ и той женщины, которой мужъ запретилъ пить водку, а она, поймавъ ящерицу, перегрызла ей хвостъ и выплюнувъ его, стала кричать. Когда сбѣжались люди, она божилась, что ящерица эта ртомъ вышла изъ ея желудка. Такую хитрость она придумала для того, чтобы доказать мужу, будто ей *нужно* пить водку, чтобы внутри ея не развилось много ящерицъ. Случай этотъ произошелъ въ Галиціи, въ с. Новоселкѣ, подъ Свалатомъ.

У насъ, христіанъ, есть вѣрныя средства помочь всякому горю, заглушить всякую тоску. Средства эти—терпѣніе и молитва. А водка только увеличиваетъ тоску, которая приключается отъ недостатка и бѣдности, причиняемыхъ пьянствомъ. Брось водку, которую пьешь съ горя да тоски, сбереги тѣ деньги, которыя пропиваешь, и будетъ у тебя меньше горя, потому что меньше будетъ нужды и бѣдности.

Несправду говорятъ и ремесленники, будто они теряютъ работу, если перестанутъ пить съ тѣми, которые даютъ имъ работу. Это могло быть раньше, когда о трезвости народа не было и рѣчи, но ничуть не теперь, когда и Царь и пастыри духовные всѣми мѣрами стараются искоренять пьянство, и усилія ихъ не остаются безуспѣшны. Народъ мало по малу отрезвляется, изгоняетъ изъ своихъ селъ кабаки, и трезвые люди не любятъ пьяницъ-ремесленниковъ. Да и правду сказать,

мало находится теперь такихъ, которые вмѣстѣ съ работою несутъ, напр., къ кузнецу или ткачу водку. Народъ теперь начинаетъ мало по малу браться за умъ. Все рѣже и меньше встрѣчаешь теперь пьяныхъ людей, возвращающихся домой съ ярмарки съ пѣснями и свѣрными разговорами. Теперь кузнецъ не можетъ уже, какъ прежде, сказать, что пьянствомъ онъ поддерживаетъ свое ремесло и держится народнаго обычая. Не прекращеніе пьянства бываетъ причиною уменьшенія дохода ремесленника, а такое или иное достоинство его работы. Когда трезвый, непьющій кузнецъ исправно, въ свое время и добросовѣстно исполняетъ данные ему заказы, у него бываетъ столько работы, что онъ едва успѣваетъ ее исполнять. Никто не идетъ къ нему съ водкой, и никто не боится, что желѣзные обручи, если не смочить ихъ пьянствомъ, спадутъ съ колеса. Всѣ знаютъ, что это работа хорошаго и честнаго мастера, знающаго свое дѣло, и повсюду о немъ идетъ добрая слава.

Знаемъ мы и такихъ трезвыхъ кузнецовъ, которые не только сами не пьютъ, а и другихъ, приходящихъ къ нимъ съ работою, отговариваютъ отъ пьянства; и люди вѣрятъ имъ, потому что ремесленникъ больше видалъ и знаетъ свѣтъ и людей. Точно также и другіе ремесленники не только ничего не потеряютъ, когда перестанутъ пить, а напротивъ приобретутъ тѣмъ болѣе извѣстность и болѣе доходъ.

Никто еще, бросивши пьянство, не пожалѣлъ о томъ, что навсегда избавился отъ водки—своего злѣйшаго врага, главной губельной причины разныхъ болѣзней, бѣдности и горя. Люди совсѣмъ истрезвившіеся говорятъ, что водка такъ претитъ имъ теперь, что они не могутъ выносить даже ея запаха, что имъ даже непріятно войти въ тотъ домъ, гдѣ слышенъ ея противный духъ. О, еслибы она намъ всѣмъ стала такъ противна! Тогда мы полюбили бы трудъ, просвѣщеніе, свое

хозяйство, семью. Какъ хорошо и от-
радно зайти въ домъ трезваго чело-
вѣка! Какъ небо отъ земли, такъ онъ
отличается отъ дома пьяницы. Тамъ
опрятность, чистота, довольство во всемъ,
лица хорошія и веселыя; здѣсь—бѣд-
ность, нечистота, мрачнцы, злобныя и
тоскливыя лица, здѣсь жидъ и кулакъ,
какъ у себя дома, грабятъ, вносятъ
за долги, что есть лучшаго въ домѣ,
огородѣ, усадьбѣ, это все ихъ соб-
ственность, потому что и пьяница—
весь въ ихъ рукахъ. Тамъ—земной
рай, тутъ—земной адъ.

Протоіерей Іоаннъ Наумовичъ.

Пятидесятилѣтіе архіерейства блаженнѣй- шаго Софронія, патриарха Александрійскаго.

Въ дополненіе къ краткой замѣткѣ,
помѣщенной въ № 22 „Церковныхъ Вѣ-
домостей“ за текущей годѣ, имѣемъ нынѣ
возможность сообщить замѣтуемые изъ
греческихъ газетъ и отчасти изъ офи-
ціальныя источники подробныя свѣдѣ-
нія о достохвальномъ служеніи св. цер-
кви патриарха Александрійскаго Софронія
и оказанномъ ему чествованіи по случаю
исполнившася 29. минушаго іюня 50-лѣ-
тія его архіерейства.

Блаженнѣйшій Софроній родился въ
началѣ текущаго столѣтія въ Константи-
нополѣ отъ православныхъ родителей и
нареченъ во св. крещеніи Ставромъ.
Измлада воспитанный въ христіанскихъ
правилахъ, благочестіи и любви къ от-
честву, онъ въ декабрѣ 1820 года по-
стригся въ монахи и былъ рукоположенъ
во діакона. Въ концѣ 1821 года, по
приглашенію митрополита Приконійскаго
Космы, отличавшагося строгостью нра-
вовъ и благочестіемъ, іеродіаконъ Софроній
поступилъ къ нему и служилъ при немъ
до его кончины. Послѣ того, по настой-
чивой просьбѣ хіосцевъ, рукоположенъ
былъ, въ іюнѣ 1839 года, приснопамят-
нымъ патриархомъ Григоріемъ VI, во
епископа съ назначеніемъ митропо-
литомъ хіосскимъ и управлялъ хіос-

скую епархію 16 лѣтъ. 27 сентября
1855 года перемѣненъ былъ на амасій-
скую митрополицію каедрю. Administra-
тивныя его способности и рѣдкое умѣніе
разобраться въ дѣлахъ трудныхъ и не-
удоборазрѣшимыхъ были настолько обще-
известны, что, вскорѣ по вступленіи на
амасійскую каедрю, онъ назначенъ былъ
членомъ великаго народнаго собранія,
открытаго въ 1858 году въ Константино-
полѣ для составленія народныхъ уста-
вовъ, и съ ревностью трудился въ немъ
впродолженіе 3 лѣтъ. Состоя въ то время
свеофилаксомъ патриархіи и казначеемъ
великаго народнаго училища, онъ своею
опытною много способствовалъ улуч-
шенію положенія народныхъ и церков-
ныхъ дѣлъ. По закрытіи народнаго со-
бранія возвратился въ Амасію. 20 сентя-
бря 1863 гѣда онъ былъ избранъ на
константинопольскій патриаршій престолъ
при такихъ обстоятельствахъ, когда воз-
метаемый волнами корабль церкви нуж-
дался въ рукъ твердой и въ кормчѣмъ
просвѣщенномъ. Въ новомъ своемъ поло-
женіи, мужественно отражая всѣ опасно-
сти, онъ честно приводилъ въ дѣйствіе
новые уставы, прилагалъ попеченія о
примиреніи двухъ единовѣрныхъ наро-
довъ, греческаго и болгарскаго, и твердо
отстаивалъ имущественныя права святыхъ
мѣстъ противъ посягательства на нихъ
въ соединенныхъ княжествахъ. Разстроен-
ное трудами здравье вынудило его
4 декабра 1866 года просить увольненія
отъ дѣлъ. Послѣ трехлѣтняго пребыванія
на покой, онъ избранъ былъ 30 мая
1870 года на александрійскую патриар-
шую каедрю, которую и занимаетъ до-
селѣ, правя церковію мирно и благо-
успѣшно.

Своимъ умомъ, тактомъ, благочестивою
жизнію, безмѣрною дѣлаемаго имъ до-
бра и отсутствіемъ всякой склонности къ
интригамъ и политиканству блаженнѣй-
шій Софроній стяжалъ себѣ всеобщее
глубокое уваженіе и нелицемѣрную лю-
бовь паствы, что и сказалось съ особен-
ною силою въ недавнемъ, нарочито устроен-
номъ, чествованіи маститаго іерарха.

50-лѣтній юбилей архіерейства блажен-